

«Саардамский плотник»

М. Булгаков (1909).

В романе Михаила Булгакова «Белая гвардия» есть образ, художественно яркий, недвусмысленно выятный и в то же время — загадочный.

Это «Саардамский плотник», многократно возникающий в самых первых и в последних главах романа, там, где так настойчиво проходит лейтмотив семьи, дома. В романе он становится символом домашнего очага, вечного, как сама жизнь: «Все же, когда Турбиных и Тальберга не будет на свете, опять зазвучат клавиши, и выйдет к рампе разноцветный Валентин, в ложах будет пахнуть духами, и дома будут играть аккомпанемент женщины, окрашенные светом, потому что Фауст, как Саардамский плотник, — совершенно бессмертен».

И надо думать, символ был для Булгакова важен. «Белая гвардия» публиковалась в 1925 году, но в 1929-м, набрасывая автобиографическую повесть «Тайному другу», которой суждено было стать первым вариантом «Театрального романа», Булгаков одну из глав предполагал назвать так: «Фауст, как Саардамский плотник, совершенно бессмертен».

Что же это за «Саардамский плотник»?

Исследователь творчества Булгакова и автор ряда статей о нем В. Я. Лакшин уверен, что речь идет об изображении на изразцах. Так и пишет: «изразцы с Саардамским плотником...» Но изразцы в доме Турбиных были гладки, скорее всего белы, Булгаков обстоятельно описывает их «ослепительную» поверхность, испещренную записями и рисунками — «красками, тушью, чернилами, вишневым соком».

О Саардамском же плотнике сказано ясно: «Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский плотник»...» Конечно же, речь здесь идет о книге. Образ входит в «Белую гвардию» с книгой, потом отделяется от нее. Отблеск «Саардамского плотника» как бы передается изразцам голландской печи, «в самое тяжкое время жителю и жарким», и сперва эти изразцы писатель начинает называть голландскими изразцами, Саардамскими изразцами (но отнюдь не «изразцами с Саардамским плотником»), а потом и самая печь вырастает в символ, приобретая имя: Николка пришел с «влажной тряпкой из кухни, и с груди Саардамского плотника исчезли слова...»

тельных детских романах и каким Петр, полагаю, не говорил никогда.

И все-таки, книжка располагала и, конечно же, вызвала доверие у маленьких читателей. Значительность темы, крупный шрифт, множество иллюстраций во всю страницу. На фронтисписе был изображен Петр I (гравюра Смита с известного портрета работы Г. Неллера) — в доспехе, молодой, красивый, с кудрями черных вьющихся волос. Фурман и описывал его в полном соответствии с этим портретом: «Все с особенным удовольствием глядели на статного, прекрасного молодого человека, в черных, огненных глазах которого блистали ум и благородная гордость. Сам Блудвик чуть не снял шапки, взглянув на величественную наружность своего младшего работника».

В начале образа лежит книга. Написал ее Петр Романович Фурман (1809—1856) — автор многочисленных и очень популярных в свое время исторических повестей для детского чтения («Сын рыбака М. В. Ломоносов», 1847, «А. В. Суворов-Рымникский», 1848). «Саардамский плотник» был лучшим его произведением и выдержал на протяжении XIX и в начале XX века множество переизданий.

Эту книгу, вполне возможно, читал еще отец Булгакова в годы своего детства, ибо «Саардамский плотник» был написан в 1849 году, а Афанасий Иванович Булгаков родился в 1859-м. Может быть, повесть была подарена Михаилу Булгакову родителями в какой-нибудь торжественный день его детства. Будущий писатель был старшим в семье, и когда в зимние вечера книгу читали у домашнего очага подраставшие один за другим его младшие братья и сестры — шестеро! — старенькая и наизусть знакомая книжка становилась как бы вещественным олицетворением семейных традиций, приметой неизменно повторяющегося детства.

Повесть посвящена той поре жизни Петра I, когда он работал корабельным плотником на верфи в голландском городе Зандаме (Саардаме) в 1697 году. В художественном отношении повесть эта далеко не совершенна, еще более уязвима она с точки зрения исторической, Петр разговаривает в ней с благонравными голландскими детьми Фрицем и Анной тем искусственно-ласковым тоном, каким разговаривают взрослые в старых и нравучи-

Это был сказочный, легендарный Петр — государственный деятель и одновременно добрый, веселый и сильный, с руками, одинаково хорошо владеющими и плотницким, и, если понадобится, хирургическим инструментом, и пером, и оружием... Убедительность этого легендарного образа в глазах ребенка возростала оттого, что он совпадал с пушкинским изображением Петра.

Этот сказочный Петр — Петр детства — в произведениях Булгакова возник по крайней мере еще раз. В 1937 году Булгаков написал либретто оперы «Петр Великий» по заказу Большого театра. Заглавный образ этого произведения величествен, прекрасен и поэтичен. И есть у героя песенка о Саардамском плотнике — песенка-воспоминание, отголосок то ли юности Петра, то ли детства самого автора:

«Веселый город Саардам!» — все плотники твердят.
Трудился плотник, как Адам,
когда чинил фрегат.
Готов фрегат, фрегат обшит,
наш плотник в радости поет,
наш плотник в погребок спешит,
его друзей компания ждет!
Над Саардамом ночь плывет,
и месяц гаснет, спать пора!
Но плотник пляшет и поет
и будет петь он до утра!
«Веселый город Саардам», —
все плотники твердят,
и я бывал когда-то там,
и я чинил фрегат!

Л. ЯНОВСКАЯ

Харьков